

Франсуа де Ларошфуко о трех днях французской революции.

*Предисловие, перевод с французского и примечания
Елены Морозовой*

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО
О ТРЕХ ДНЯХ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К 227-й годовщине взятия Бастилии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вечером 14 июля герцог де Лианкур разбудил задремавшего короля и сообщил ему о взятии Бастилии. «Но это же бунт! — воскликнул изумленный Людовик. — Сир, — ответил Лианкур, — это не бунт, это революция». Падение Бастилии, тюрьмы, символизировавшей тиранию абсолютизма, стало моральной победой народа, внушило надежду на скорое наступление царства «свободы, равенства и братства». Но, по сути, переворот, именуемый революцией, совершился месяцем ранее, а именно 17 июня, когда депутаты созванных королем Генеральных Штатов провозгласили себя Национальным собранием, высшим представительным и законодательным органом французского народа. Принятая Собранием «Декларация прав человека и гражданина» превратила подданных Людовика XVI в свободных и равноправных граждан, для которых «источником суверенной власти является нация». Однако главой государства по-прежнему оставался король, что и было закреплено в конституции, утвержденной в сентябре 1791 года. Чтобы установить Республику потребовалась еще одна революция: 10 августа 1792 года парижане смели королевскую власть. Страну охватила гражданская война.

Франсуа Арман Фредерик де Ларошфуко (1765-1848), сын герцога де Ларошфуко-Лианкура, сообщившего Людовику XVI о падении Бастилии, принадлежал к старинному дому Ларошфуко, прославленному автором, написавшим «Максимы и моральные размышления». Он был одним из защитников королевского дворца и 10 августа, в числе немногих избранных, сопровождал Людовика XVI из захваченного восставшими Тюильри в Нацио-

нальное собрание. После принятия декрета о низложении короля, Ларошфуко бежал в Англию. Во Францию он вернулся только в 1800 году. Среди оставленных им воспоминаний сохранился рассказ о трех роковых для королевской власти днях.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕРЦОГА ДЕ ЛАРОШФУКО

Обстановка, сложившаяся в начале августа в Париже, и присутствие в городе марсельского батальона заставляли подозревать о готовящемся кровавом спектакле, никто не думал, что катастрофа разразится так скоро.

Мы давно привыкли к потокам брани и угроз, к оскорбительным выкрикам с улицы в адрес короля, которого подкупленные горлопаны презрительно называли Вето¹, Тираном и чудовищем из Тюильрийского зверинца. Когда в нас признавали слуг короля, тех немногих, что остались ему верны, нас тоже тотчас начинали всячески поносить. Но мы полагали, что благоговение перед королевским величием еще не утрачено и, несмотря на ярившуюся вокруг нас стихию, хранили спокойствие. Никто не верил, что мятежники осмелятся открыто выступить против короля. Среди полнейшего хаоса, порожденного революцией, мы продолжали жить надеждой на возвращение прежнего порядка и ценили каждый прожитый день.

9 АВГУСТА 1792 ГОДА

9 августа в театре я впервые услышал о том, что к Тюильри стягивается народ. Сначала я этому не поверил, ибо утром, когда я вместе с королем ходил к мессе, все было спокойно. Тем не менее, я вскочил в кабриолет и помчался в Тюильри. До площади Пти-Карузель я доехал беспрепятственно. Но через ворота двора Марсан мне пройти не удалось, так как перед ними соорудили баррикаду.

Во дворце царило спокойствие; король находился у себя, а королева в покоях дофина. Но на улице Эшель и на большой площа-

¹Людовик XVI, которому конституция предоставляла право вето, воспользовался им, чтобы приостановить ряд принятых Собранием законов, за что получил в народе прозвище «Господин Вето».

ди Карузель толпился народ. Не сумев предугадать трагических последствий этого скопища, я вернулся в театр.

Однако неясная тревога не покидала меня; к вечеру она настолько возросла, что я вернулся в Тюильри, где последний месяц проводил каждую ночь. Я зашел к маркизу де Турзель, тот также не был уверена, что пора бить тревогу. В это время пришел гувернер дофина и принес маркизу записку от матери¹, ночевавшей в покоях наследника престола; маркиза писала, что, возможно, сегодня ночью головорезы отважатся на штурм; в случае, если толпа прорвется во дворец, она советовала сыну искать убежища в апартаментах Ее Величества. Следом пришли еще люди и также принесли нам тревожные вести. Предместья бурлили, улицы заполнялись народом; площадь Людовика Пятнадцатого и Елисейские Поля охраняли вооруженные парижане, готовые помешать королю покинуть столицу. Говорили, что многие секции подняты на ноги и скоро ударят в набат.

Министры и партия конституционалистов давно хотели увезти короля. Их Величества уезжать отказывались; но доколе они не будут внимать уговорам? Может, звуки набата помогут им решиться на отъезд? Может, народное возбуждение вызвали конституционалисты, чтобы в суматохе похитить короля и вывезти его из Парижа? Эти соображения показались настолько правдоподобными, что, узнав об отмене церемонии отхода короля ко сну (он впервые отменил ее), мы через полчаса собрались, готовые ехать, куда прикажут; многие даже привели верховых лошадей, оставив их в ветхих королевских конюшнях поблизости от площади Людовика XV. Мою оседланную лошадь всю ночь держали на берегу реки возле моста Людовика XVI.

Вот уже месяц, как после полуночи численность дворцовой охраны резко уменьшалась, так что любой негодяй мог без труда проникнуть к королю, ибо национальные гвардейцы уходили спать или отправлялись пьянствовать в соседние кабаки. Восполняя нехватку охраны, преданные королю люди совершали регулярные ночные обходы, дабы в случае необходимости поднять тревогу. В этот вечер я лично совершал обход и был очень удивлен, заметив, что численность людей, охранявших короля, резко увеличилась: пришли придворные, те, кто прежде состоял в конституционной гвардии, простые дворяне. Слухи разнились:

¹Маркиза, затем герцогиня де Турзель (1749-1832) — гувернантка королевских детей.

одни говорили о готовящемся нападении на дворец, другие о скоплениях недовольных.

Выйдя из зала Совета, дабы узнать новости, король оказал мне честь, обратившись с вопросом ко мне. Короля сопровождала королева. Я ответили королевской чете, что пребываю в великом беспокойстве, но в точности ничего сказать не могу.

Осведомители из предместий Парижа, ссылаясь на авторитетные мнения, приносили совершенно противоположные известия. Нас то заверяли, что гроза миновала, то убеждали, что народ угрожает королю и Тюильрийскому дворцу.

Тем временем людей в королевских апартаментах становилось все больше, и я с ужасом отмечал, что среди них мелькают сторонники самых разных клик. В большой спальне собрались опоясанные трехцветными шарфами общественные представители, муниципальные чиновники, несколько представителей Коммуны, офицеры-швейцарцы и офицеры национальной гвардии. Остальные толпились в зале, предварявшим спальню (своего рода салон Бычий глаз¹). В обоих помещениях было не протолкнуться. Еще больше народу скопилось в апартаментах, где проживали друзья короля. Казалось, всех оповестили о надвигавшейся великой опасности, а потому каждый вооружился, чем мог: у одних были шпаги, у других охотничьи ножи; почти у всех были пистолеты. У меня на боку висела шпага, а в карманах лежали два пистолета.

10 АВГУСТА 1792 ГОДА

Ближе к полуночи в королевские апартаменты с высоко поднятой головой вошел Петион²; ни на кого не глядя, он прокладывал путь между собравшимися там людьми; я заметил, что он старался никого не задеть; за ним следовали трое или четверо представителей, опоясанных шарфами.

Петион направился в кабинет короля, а так как дверь осталась приоткрытой, я проскользнул следом. Я услышал, как он убеждал короля, что несмотря на волнения в предместьях, на скопления людей на городских улицах, он намерен восстановить порядок и

¹Салон Бычий глаз в Версальском дворце, названный так по причине расположенного под потолком овального окна, являлся своего рода прихожей апартаментов короля.

²Мэр Парижа.

хотя бы до завтра удержать народ от решительных действий. Король говорил с ним достаточно жестко, и после того, как тот не смог ответить, чего же хочет народ, король заявил, что наведение порядка входит в обязанности мэра, а посему тот обязан быть там, где присутствие его необходимо. Петион пообещал отдать приказ отвечать на силу силой и покинул дворец.

Несмотря на усталость, накопившуюся за прошлую неделю, когда я по ночам дежурил в королевской спальне, а днем меня дважды задерживали на улице, причем один раз мне пришлось под конвоем национальных гвардейцев пройти весь Париж, этой ночью я также остался во дворце.

Время от времени я выходил из королевских апартаментов и отправлялся на поиски своего кузена Шарля де Шабо, который, по обыкновению, оставался на улице, где подробно узнавал обо всем, что происходит; мы обменивались новостями. Всегда, когда речь заходила об интересах короля, этот несчастный молодой человек, которого 2 сентября растерзают во время бойни в тюрьме Аббатства, проявлял отчаянную храбрость и необычайную энергию. Характер он имел открытый и пылкий, потому в Париже хорошо знали, что раньше он служил адъютантом Лафайета, а затем в конституционной гвардии короля, так что врагов у него было предостаточно. Вот уже месяц, как он делил со мной жилище в Тюильри, и мы с ним, полностью доверяя друг другу, обсуждали все, что удавалось нам узнать.

Около двух часов явился национальный гвардеец и передал господину Манда, сидевшему вместе со мной на балюстраде большой спальни, приказ явиться в ратушу. Я увидел, как Манда, побелев как мел, громко сказал: «Я больше не вернусь». Он ушел... Увы, он сразу понял, какая участь его ожидала!¹

Его уход встревожил многих, ибо наши войска, собранные во дворце, оказались без командующего; державшийся в тени камина Редерер² выступил вперед и сказал: «Господа, сохраняйте спокойствие, у меня приказ господина Петиона отвечать силой на силу; если господин Манда не вернется, я сам, как член Парижской Коммуны, потребую от войск, чтобы они защищали вверенный им дворец». Я собственными ушами слышал эти слова, сказанные,

¹В то утро Манда, командовавший Национальной гвардией Парижа и отвечавший за оборону Тюильри, был убит по пути в ратушу.

²Прокурор Парижа.

как мне показалось, от чистого сердца; поэтому я крайне удивился, когда, прибыв спустя неделю в Лондон, прочел его так называемое оправдание, свидетельствовавшее о его гнусном лицемерии.

Набат зазвучал, когда время подходило к трем. Людей в апартаментах короля постоянно прибывало; сидели всюду: на креслах, на полу, на столах, на консолях, везде, где только было можно; немногочисленные служители королевского дома пытались протестовать, напоминая, что согласно этикету сидеть в спальне короля не дозволяется; всегда найдется немало людей, чей косный ум не меняется никогда.

К шести часам утра, король, обойдя дворец, вернулся к себе в апартаменты, намереваясь далее спуститься во двор; так как сопровождать его оказалось слишком много желающих, некоторым пришлось остаться, но мне удалось присоединиться к королевской свите. Вид у Его Величества был встревоженный и измученный, однако он изо всех сил старался выглядеть бодро; мы проследовали во двор. Завидев короля, национальные гвардейцы приветствовали его здравницей «Да здравствует король!» Этот отряд национальной гвардии слыл преданным королю, в рядах его было немало тех, кто добровольно пришел во дворец, дабы защищать его. Однако было и те, кто, сознавая свою безнаказанность, кричал: «Долой Вето!»

Спустившись в сад, король направился проверить часовых, размещенных возле второй лестницы на террасу, что протянулась вдоль реки; по дороге свита его изрядно увеличилась за счет присоединившихся гренадеров из батальонов секций Пти-Пер и Сен-Тома. Завидев короля, солдаты, охранявшие лестницу, закричали «Да здравствует Нация! Долой Вето!» и вообще повели себя необычайно дерзко. Король не стал там останавливаться. На подступах к Поворотному мосту мы увидели, как толпа грязных оборванцев, потрясая пиками, рассыпалась по террасе Фельянов и громко именуя ее владением Свободы, выкрикивала возмутительные ругательства в адрес короля

У Поворотного моста король провел смотр караула и повернул обратно. При возвращении во дворец нам довелось пережить ужасные минуты: несколько санкюлотов, из тех, что заняли террасу, сбежали вниз и двинулись нам навстречу. Тогда свита, сцепив скрещенные руки, окружила короля двойным кольцом; одно кольцо образовали национальные гвардейцы, о которых мы зна-

ли, что они честны и храбры, второе — дворяне и офицеры-швейцарцы; в ту минуту никто не вспоминал ни о рангах, ни о титулах.

Наш путь во дворец напоминал отступление, опасность подстерегала нас повсюду, так что один из гренадеров даже сказал королю: «Сир, хорошо бы поторопиться, вам надобно как можно скорее вернуться во дворец». Обернувшись, король ответил: «Странно, что такому bravому гренадеру страшно, в то время как я совершенно спокоен». Возле ограды дворца толпился народ; вид у многих был зверский. Господин де Мену приказал дежурному швейцарцу открыть одну половинку ворот и, когда пройдет король со свитой, тотчас ее закрыть. Приказ был исполнен, но несколькими злоумышленникам все же удалось проникнуть за ограду вместе с королевской свитой.

Король снова поднялся к себе в апартаменты.

Желая узнать свежие новости, я пошел искать Шарля де Шабо, но его нигде не было. Меня предупредили, что к дворцу приближается колонна головорезов, вооруженных пиками; во главе колонны шли марсельцы¹. Чтобы убедиться самому, я выскочил во двор и, оставив шпагу в кордегардии офицеров швейцарского полка, вышел на улицу и пошел к набережной, где не было ни души. Но вскоре я завидел колонну, мерным шагом двигавшуюся вдоль набережной Эколь; строй был очень плотный. Я вернулся, забрал шпагу и сообщил о том, что видел.

Поднимаясь в королевские апартаменты, я увидел выстроившихся на большой лестнице швейцарцев во главе с офицерами; в прихожих в относительном порядке строились национальные гвардейцы; в салоне перед большой королевской спальней в три ряда стояли вооруженные дворяне, собравшиеся до последнего защищать короля и умереть у его ног. Несмотря на отчаянное положение, я решил присоединиться к этому войску. Неужели наша отвага не превозможет численность противника?

Я занял место в шеренге, что была ближе всего ко мне; в ту минуту я не знал, ни кто нами командовал, ни какому приказу мы следовали. Часть маленького отряда, где находился я, отправили в галерею, отделявшую апартаменты короля от апартаментов королевы. Когда мы проходили мимо зала Совета, на пороге показались король и королева.

¹Батальон марсельских волонтеров, который принес с собой «Марсельезу».

Нас выстроили в галерее, лицом к окнам, чтобы мы могли видеть улицу. Прибывшее вскоре подразделение Национальной гвардии растянулось цепочкой вдоль окон, сохранив проход между своей шеренгой и нашей. Гвардейцы заверили нас, что считают нас своими товарищами и готовы нас защищать; мы обнялись.

Немного времени спустя в зале Совета раздались голоса короля и королевы, однако расслышать, о чем они говорили, мне не удалось; но когда донеслось: «Да здравствует король!» — мы все, как один, потрясая оружием, повторили здравицу. Национальные гвардейцы зарядили ружья. Был получен приказ вступать в бой с негодьями только в том случае, если они проникнут к нам в галерею.

Наш отряд разбили на подразделения, по пятнадцать человек в каждом; командовать подразделениями поручили старшим офицерам, и я оказался под командой шевалье д'Аллонвиля, бывшего воспитателя первого дофина.

Не прошло и пяти минут, как национальные гвардейцы повернулись к нам спиной и устремили взоры в окна, где за оградой я увидел внезапно выросший лес пик. Судя по изменившимся лицам гвардейцев, прибывшая колонна вооруженных пиками санкюлотов внушала им серьезные опасения. Обескураженный упадком духа, охватившим гвардейцев, я отправился к королю просить дозволения закрыть нижние ставни; света из верхней части окон нам вполне хватит. Войдя в зал Совета, (все двери королевских апартаментов были распахнуты настежь), я увидел Шарля де Шабо; он шепнул мне: «Все пропало, нас убьют».

Я увидел, что король, королева и члены королевской семьи, окружив рабочий стол, слушают Редерера: тот уговаривал их отправиться в Собрание. Вокруг толпились дамы свиты и горничные. Король вместе с семьей дал согласие покинуть дворец, но полагал скоро вернуться, ибо я отчетливо слышал, как королева на вопрос горничных, что им теперь делать, ответила: «Оставайтесь, мы придем за вами».

В ту минуту кто-то мне сказал, что король, узнав, что его хотят заставить отречься, заявил, что добровольно он не отречется, но если Собрание издаст такой декрет, он с ним согласится; сейчас же он намерен отправиться в Собрание и лично поговорить с депутатами.

Около половины девятого король с тяжелым сердцем покинул свои апартаменты; сопровождать его намеревались многие. Тут кто-то громко объявил, что пойти с королем могут только мини-

стры, члены кабинета и муниципальные чиновники. Несмотря на это заявление, я решил последовать за королем; пробравшись в самую середину королевского кортежа, я схватил под руки господина Гуа и национального гвардейца, с которым прятельствовал, и они увлекли меня за собой. Впрочем, не все стремились сопровождать короля. Многие, напротив, опасаясь возбудить против себя гнев народа и Собрания, поспешили покинуть Его Величество; эти люди советовали и мне остаться с ними.

Но я был слишком возбужден, чтобы слушать чьи-либо доводы; только лицезрение короля, живого и невредимого, возвращало мне душевное спокойствие. Пройдя через часовню, мы спустились по большой лестнице, прошли сквозь выстроившийся в два ряда полк швейцарцев и через решетчатую калитку вышли в сад. Там, перестав тесниться, мы огляделись, дабы понять, кто пошел с нами.

Впереди, в окружении своих солдат, шел майор швейцарской гвардии Бахман. Следом, перед королем, шел господин де Пуа. Сразу за королем шла королева, держа за руку дофина. Мадам Елизавета¹ шла под руку с Мадам Руаяль, дочерью короля. За ними следовали принцесса де Ламбаль и мадам де Турзель в сопровождении министров, членов кабинета и муниципалитета, а также доверенных лиц короля; мы с Шарлем де Шабо шли вместе с ними. Когда мы проходили по саду, я оказался рядом с мадам де Ламбаль; она была удручена и испугана, я предложил ей руку, и она приняла ее.

Несмотря на страдальческое выражение лица, король шел уверенно, высоко подняв голову; королева постоянно вытирала слезы, стараясь принять беспечный вид. На мгновение она тоже оперлась на мою руку, и я почувствовал, как она вся дрожит. Дофин не выглядел испуганным. Мадам Елизавета была невозмутима; она всегда находила опору в религии. Завидев рассвирепелую толпу, она сказала: «У них помутился разум, не наказать бы я хотела их, но обратиться к вере». Не удержавшись, я ответил, что, не обладая ее добродетелью, я больше всего желаю отомстить этим людям.

Дочь короля, не переставая, плакала. Мадам де Ламбаль сказала мне: «Мы никогда не вернемся во дворец». Ужасное предчувствие!

Народ, мерзавцы, именовавшие себя санкюлотами, рассыпались по террасе Фельянов. Увидев, что король вышел из Тюильри, они помчались к лестнице прохода Фельянов: их было так много,

¹Младшая сестра Людовика XVI.

что мы даже не надеялись пройти сквозь них. Когда возле лестницы король остановился, из толпы, преграждавшей ему путь, полетели оскорбления; те, кто остался на террасе, сверху грозили пиками. Мне стало страшно: в любую минуту короля могли растерзать прямо на глазах у его семьи.

Минут десять мы стояли, не зная, что предпринять; наконец Редерер вступил в переговоры и убедил санкюлотов пропустить короля и его семью в Собрание. Король приказал сопровождающим ожидать его у подножия лестницы.

Но так как я одной рукой поддерживал мадам де Ламбаль, а другую подал мадам Елизавете, дабы помочь ей подняться по лестнице, я проследовал за королевской семьей. Пока мы пробирались сквозь царившую на террасе давку, на нас со всех сторон сыпались оскорбления. Следуя за королем и королевой, я ввел мадам Елизавету и мадам де Ламбаль в зал Собрания, где они прошли за барьер и сели там на скамью. Затем я услышал, как король решительным голосом заявил, что он вместе с семьей пришел в Собрание, чтобы спасти французов от совершения еще одного непоправимого преступления.

В Собрании я оказался рядом с Флерио и Рошдрагоном, которые также сумели проследовать за королевской семьей. Мы устроились на нижней скамье возле двери, у подножия знаменитой горы. Стоило нам сесть, как со всех сторон нас принялись оскорблять, называя охвостьем гражданского листа, продажными наймитами и иными непотребными словами. Опасаясь вызвать еще большее негодование против короля, мы удалились в коридор.

Составив ружья в козлы в каморках под трибунами, где хранили дрова для растопки печей, по коридору беспечно бродили гренადеры Национальной гвардии. От них мы узнали, что народ разогнал отряд швейцарцев, сопровождавший короля, и что швейцарские гвардейцы вместе с дворянами отступили в сторону прохода Оранжереи.

Тут вбежала женщина, вся окровавленная, и сказала, что у нее только что убили мужа, владельца трактира, потому что тот обслуживал аристократов. Она сообщила, что на Вандомской площади сложены восемь голов тех, кого посчитали переодетыми аристократами; среди них она узнала голову несчастного Сюло¹. «Однако жаркий предстоит день!» — прошептали мы друг другу.

¹Журналист, сторонник монархии.

Незадолго до десяти утра со стороны сада и дворца Тюильри донеслась ружейная пальба, а затем заговорили пушки. Стреляли беспорядочно. Вскоре мы узнали, что народ штурмом взял дворец и теперь разорял его. После такой новости я решил выяснить, где сейчас король; вытянув шею, я увидел короля позади председателя, в ложе писца; рядом с ним сидела королева. Я попытался подойти к ним, но ложу плотно окружили гвардейцы и люди с пиками, не позволяя никому приближаться. Я снова вышел в коридор.

Тут в зал ворвалась потная толпа в окровавленных рубахах. Они принесли в дар Собранию награбленную во дворце добычу. Сжимая в обгаренных кровью руках мокрые от крови мундиры швейцарской гвардии, они наперебой рассказывали, как истребляли швейцарцев. Некоторые из них, приняв меня за доброго патриота, стали хвастаться мне своими подвигами. Прилагая невероятные усилия, я ради собственной безопасности скрыл охватившие меня отвращение, гнев и жажду мести.

Ненависть к окружавшим меня головорезам дошла до такой степени, что мне захотелось убить себя, лишь бы избавиться от них; я никогда не испытывал подобного чувства. Но в ту минуту я, действительно, хотел покончить с собой и, желая принести пользу своей смертью, направился к двери, выходявшей в проход Фельянов, ведущий в сад Тюильри. Возле двери стоял часовой, задача которого заключалась в том, чтобы не дать толпе ворваться в Собрание.

Я увидел, как на ступенях сбегавшей в сад лестницы упал старик, одетый в черное; лицо его заливала кровь. Бросившись к нему, я подхватил его под руки и провел в коридор Собрания. Старик оказался виконтом де Майе. Какой-то национальный гвардеец принес мне воды, и я промыл старику раны: три на голове и царапину на боку. Перевязав виконта своим носовым платком, я отыскал депутата, который, судя по выражению лица, не одобрял совершаемых сегодня преступлений, и во имя человеколюбия попросил его доставить раненого домой. Я доверился ему и не ошибся: депутат отвел виконта в безопасное место.

Национальные гвардейцы, доставившие короля в Собрание, и гренадеры из батальона секций Сен-Тома и Пти-Пер, не намереваясь более поддерживать короля, решили уйти. Опасаясь, как бы их не приняли за сторонников аристократов, они разодрали на клоч-

ки забытый убийцами мундир одного из швейцарцев и нацепили кусочки красного сукна на кончики штыков. Потом, разделившись на группы, они ушли, бросив короля на произвол санкюлотов с пиками, национальных волонтеров и устрашающего вида головорезов с небритыми лицами, иначе говоря, на всех тех негодяев, которых породили революция и анархия, тех, кто диким видом своим и кровожадностью уподобился хищным зверям. О, ужас! Неужели в нашем брэнном мире самому слабому всегда уготовано одиночество, а преступление всегда найдет себе сторонников?!

Я смертельно устал и буквально умирал от голода. Найти поесть мне не удалось, а отвращение к тому, что мне довелось увидеть, притупило ноющую боль в желудке. Решив поразмыслить, что делать дальше, я сел поближе к ложе газеты *Moniteur*.

Со своего места я слышал, как зачитали постановление о низложении короля; затем на низложенного монарха обрушили потоки лжи, дабы убедить народ, что король повинен в самых ужасных преступлениях; члены Собрания восторженно слушали и с энтузиазмом аплодировали. Депутаты клялись блюсти принципы Равенства и Свободы; конституционная присяга Нации, Закону и Королю отменялась.

Я погрузился в невеселые размышления. Партия короля и Конституции потерпели поражение, республиканцы обрели непомерную силу и готовы на самые жестокие меры. Судя по трусости, которой всегда отличались французы, через пару дней в стране останется только одна партия: вся Франция присягнет Республике. Выражать свое несогласие посмеют только французы, находящиеся за пределами королевства, иначе говоря, эмигранты.

Низложенного короля заточат в темницу и никого из преданных слуг к нему не допустят. Значит, смиряя ярость сердца, надо бежать и присоединиться к тем, кто с оружием в руках сможет освободить короля. Но кто они, эти люди? Сегодня лишь одна партия озабочена судьбой короля — партия эмигрантов. Однако за два года своего существования она никак себя не проявила, и ни одна держава открыто ее не поддержала. Несколько месяцев назад она стала создавать свою армию, но что это за армия, как она организована? Заправляют в ней принцы, братья короля, не сумевшие завоевать к себе ни любви, ни уважения. Что же делать? Должен ли я присоединиться к ним?

Короля и дофина стерегут вооруженные убийцы, не ведающие ни жалости, ни сострадания, жизнь их становится игрушкой случая, предугадать который невозможно. Увы, вряд ли нынешние роялисты станут принимать их в расчет; скорее всего, они просто вычеркнут Людовика XVI из своих планов, равно как и дофина... Как хорошо, если мои рассуждения окажутся ошибочными! Получается, что придется присягать на верность Месье¹ и собираться под его знаменами.

С самого начала революции я сторонился любых обществ. Удо-стоверившись в безудержной коррупции и грубой лести, с помощью которых клики соблазняли и завоевывали популярность у всех слоев населения, в 1790 году я, несмотря на завидную должность, оставил военную службу. Однако, имея множество родственников, игравших выдающуюся роль в партии революции, я предпочитал скрывать свои взгляды и только в беседах с друзьями говорил то, что думал. В общественных местах я предпочитал молчать, так как мои слова могли стать приговором для моих родных. Стараясь жить как можно незаметнее, я не делал никаких шагов, чтобы присоединиться к принцам или к эмигрантам.

Единственная партия, к которой я хотел примкнуть, была партия короля. Многим преданным слугам пришлось покинуть Его Величество, и его одиночество не могло оставить меня равнодушным. В период подготовки к путешествию в Варенн² я сблизился с королем и постарался убедить его в своей преданности; мне показалось, что он не остался равнодушным к моему стремлению быть ему полезным, ибо несколько раз господин де Лапорт³ от его имени говорил мне любезности. Король не раз давал мне понять, что место подле его персоны при дворе, который он намеревался в скором времени сформировать, мне обеспечено.

Мне подходила только партия короля; но эта партия ничего из себя не представляла, а после принятия конституции и вовсе пребывала в растерянности. Действия короля шли вразрез с нашими взглядами. Поступал ли он противоречиво под давлением своих врагов, из страха или добровольно? Не дерзая рассуждать об этом даже в узком кругу, мы делали все, дабы огрადить его от

¹Граф Прованский, брат Людовика XVI, позднее Людовик XVIII.

²Речь идет о неудавшейся попытке короля и его семьи бежать из революционного Парижа, именуемой обычно «бегством в Варенн» (20-21 июня 1791 г.).

³Арно де Лапорт, интендант гражданского листа короля. Казнен 23 августа 1792.

опасности, и, в случае покушения, были готовы закрыть его собственными телами.

Тем временем мои обстоятельства изменились. Мой брат¹, согласившийся стать подполковником в армии Лафайета, недавно изъявил желание содействовать давнему плану освобождения короля из-под власти этого кошмарного Собрания. Короля хотели связать с другой партией, которая обходилась бы с ним неизмеримо лучше и сделала бы его жизнь менее несчастной. Мой брат совсем недавно оставил службу; хотя в полку он удостоился многочисленных похвал и заслужил уважение сослуживцев, он все равно подал в отставку, понимая, что положение вещей таково, что нельзя более нести службу, не опозорив себя.

Хорошо зная своих родственников, я не сомневался в их порядочности. Я был убежден, что злосчастная завеса, препятствовавшая им увидеть пропасть, куда их вели, наконец, спадет и они поймут, в какие руки они помогли отдать штурвал общественного корабля, оставаясь в полной уверенности, что эти руки станут заделывать пробоины в его корпусе. Меня всегда бесила их слепота; тем не менее, я был уверен, что они не смирятся с игом республиканцев.

Решив отправиться в эмиграцию, я окажусь на стороне их врагов; впрочем, подобное желание охватывало меня уже не раз, но я ни разу не уступил ему.

Если я останусь в Париже, мне придется скрывать, что, по моему, стыдно, особенно когда знаешь, что можешь принести пользу. Даже партии конституционалистов грозила опасность; естественно предположить, что мятежники без труда отыщут своих врагов и наверняка захотят уничтожить их, чтобы Францию невозможно было повернуть вспять, к прежнему порядку вещей. Однако у меня слишком вспыльчивый характер, и я не смогу долго сдерживаться, даже ради самосохранения. Я даже представил себя в сыром подвале, куда меня бросили за гневные речи против бандитов и убийц.

Все многочисленные законы против эмигрантов, изданные теперь Собранием вкупе с прежним, нельзя было применить ко мне, ибо у меня не было иных средств, кроме той суммы, которую мне выплачивали мои родители и которую они будут мне посылать, где бы я ни находился. Единственно, следовало обдумать,

¹Александр де Ларошфуко, 1767-1841, дипломат, пэр Франции.

как сделать так, чтобы мой отъезд не навредил им, не нарушил их покой и чтобы не заподозрили, что я с ними в сговоре. Если я присоединюсь к принцам, для моих родных и друзей это может плохо кончиться, ибо из-за меня власти могут начать преследовать тех, кто остался здесь. Эта мысль чрезвычайно меня беспокоила. Впрочем, разве мои родственники спрашивали у меня совета, на сторону какой партии им становиться? Разве противостояние партий не разделило едва ли ни каждую семью? Настало время, чтобы те, кто выступает на стороне правды и справедливости, употребили бы все силы, чтобы правда и справедливость победили.

Стоило мне вспомнить о прошлых событиях нашей революции, о людях, все это время возглавлявших ее, о продажных личностях, снискавших дурную славу и замеченных в бесчестных поступках еще до начала смутного времени, об обладателях непомерного честолюбия и желания сделать состояние на беспорядках, как меня охватывала ярость. И я решил покинуть Париж и поскорее присоединиться к эмиграции. Осталось только обдумать, как наилучшим образом послужить делу монархии и своих друзей.

Когда приходится принимать решение, которому предстоит повлиять на всю твою последующую жизнь, испытываешь крайне противоречивые чувства. Так как я всегда отрицательно относился к отъезду из страны, то с облегчением вспомнил, что, возможно, Руан, славящийся здравомыслием своих жителей и их верностью королю, мог бы стать очагом сопротивления анархическим проектам республиканцев, а мой отец, чей полк как раз стоял в Нормандии, был бы рад моему приезду. Я знал, что, не получив сегодня от меня вестей, он очень беспокоится за меня. Но парижские заставы закрыли, и кареты, включая почтовые, из города не выпускали. Мне очень хотелось поехать к нему, чтобы лично убедить его в том, что у меня все в порядке.

Те несколько часов, что я просидел в темном углу Национального Собрания, неподалеку от ложи писца, куда поместили короля, мне в голову упорно лезли разрозненные мысли, будоража мое воображение.

Отовсюду доносились страшные проклятия против короля, мешая мне сосредоточиться на собственных мыслях. Позабыв про стыд, головорезы жаждали немедленных похвал Собрания, они торжественно вздымали изуродованные клочья плоти швейцарцев

и пропитанные кровью обрывки их мундиров, обломки мебели и испорченные картины, захваченные в качестве добычи в Тюильри.

Примерно в семь вечера я потихоньку подошел к ложе, где сидел король. Ее охраняли несколько пьяных негодяев, не обративших на меня никакого внимания, так что мне даже удалось приоткрыть дверь ложи. Передо мной предстало печальное зрелище: король, понурый, сидел возле барьера и бесстрастно взирал через зрительную трубу на головорезов, кричавших то по очереди, то все разом. Рядом с королем сидела королева; косынка ее и носовой платок промокли от слез и пота; дофин спал на коленях у королевы, голова его покоилась на коленях мадам де Турзель. Принцесса Елизавета, мадам де Ламбаль и Мадам Руаяль сидели в глубине ложи. Желая хоть как-то облегчить положение короля, я предложил ему свои услуги, но он отказался, напомнив, что, разговаривая с ним, я подвергаю себя опасности. Еще он сказал, что сегодня будет ночевать в Люксембургском дворце¹. Королева попросила у меня носовой платок; платка у меня не было, так как я перевязал им виконта де Майе. Я отправился искать носовой платок. Позаимствовав платок у хозяина буфета, я пошел обратно, но пока я ходил за платком, сменились часовые, и к ложе меня не подпустили. Меня даже попытались арестовать и отвести в Коммуну, иначе говоря, на верную смерть. Но проходивший мимо национальный гвардеец сказал, что знает меня: он оказался одним из тех гвардейцев, которые задерживали меня на этой неделе. Пока караульные разбирались, мне удалось улизнуть; найдя убежище в буфете, я послал тамошнего мальчишку-слугу на поиски платья, в которое я мог бы переодеться.

Благодаря найденным для меня отрепьям я беспрепятственно добрался до предместья Сен-Жермен: я хотел узнать, что стало с нашими друзьями; находясь в стенах Собранин, я терзался тревогой об их участи. Стучась в очередную дверь, я вздрагивал, готовый услышать весть о гибели хозяина дома. Однако меня заверили, что ярость народа обрушилась только на швейцарцев, а все остальные защитники дворца успели уйти и скрыться; из них погибли только двое или трое. Я побывал у герцогини де Майе, которая, к счастью, в то утро не смогла попасть во дворец. Она

¹Собрание хотело предоставить низложенному королю Люксембургский дворец, но санюлоты потребовали, чтобы Людовика со всей семьей заключили в тюрьму Тампль.

сообщила, что виконта де Майе привели домой, а принцесса Тарентская и мадемуазель де Турзель вопреки слухам живы.

Но, увы, какое жуткое зрелище являли собой улицы вечером того страшного дня! Видимо, чтобы заполнившие их дикари могли насладиться своей кровавой победой, они были освещены особенно ярко. Улицы, прилегавшие к площади Карузель, были забиты телами мертвецов, раненых и свалившихся возле них пьяных. Строения, окружавшие Тюильри, сгорели. Во дворе пламя пожирало вышвырнутую из окон дворца мебель и тела марсельцев, павших от первого залпа швейцарцев. По улицам бесцельно бродили люди с зверскими лицами. Зрелище парижских улиц, какими они предстали передо мной в тот вечер, преследовало меня всю жизнь.

Перейдя площадь Карузель, я вошел в сад Тюильри и направился к зданию Собрании. Несколько человек звериного вида с ружьями в руках обшаривали засаженные деревьями уголки сада в поисках швейцарцев и аристократов. Неподалеку прозвучало несколько выстрелов, однако никого не убили; за себя я не боялся, ибо одежда, которую раздобыл мне мальчишка-буфетчик, ничем не отличалась от отрепьев этих головорезов.

В Собрании меня заверили, что короля не будут переводить в Люксембургский дворец; его признали государственным преступником, и теперь доступ к нему без письменного разрешения Коммуны запрещен. Я вышел из Собрании и, опасаясь, как бы за мной не стали следить и не обнаружили мое жилище, отправился ночевать не к себе, а к брату.

Став свидетелем неопишуемых ужасов, я чувствовал, как душу мою наполняет великое отчаяние. Но больше всего меня угнетала мысль о том, что виновники этой бойни взяли верх и останутся безнаказанными. Снедаемый тревогой за близких, я особенно обрадовался встрече с братом и его женой.

11 АВГУСТА 1792 ГОДА

В одиннадцать утра мой лакей сказал, что ему удалось повидаться с Турзель и мадам де Пуа: с ними все в порядке. Однако бойня продолжалась, народ с удвоенной яростью расправлялся с швейцарскими гвардейцами, которым вчера удалось спастись.

Мы завтракали, когда нас предупредили, что к дому приближается толпа вооруженных пиками головорезов и они уже свернули с бульвара; так как у брата обычно проживал кто-нибудь из офицеров-швейцарцев, бандиты намеревались произвести у него обыск. Мы тотчас решили разойтись; как оказалось, я надолго расставался с родными. Я ушел вместе со своим лакеем; невестка, хрупкая женщина на восьмом месяце беременности, была вынуждена укрыться в доме одного из своих слуг; брат отправился в секцию, чтобы попытаться получить охранный лист. Прощаясь, я сказал, что, скорее всего, уеду в Руан.

Улицы выглядели уже не столь ужасно; не желая подвергаться оскорблениям, я решил не рисковать и натянул на себя вчерашние лохмотья. На перекрестках толпились кучки людей, вяло бросавшие ругательства в сторону не угодивших им прохожих.

Я вышел к Вандомской площади. Какой ужас! Площадь была заполнена построенными в колонны головорезами; на остриях пик трепетал либо клочок истерзанной плоти швейцарцев, либо обрывок швейцарского мундира. Их сомкнутые ряды преграждали вход в Собрание. Среди оглашавших площадь диких воплей и проклятий звучали угрозы выпустить кишки королеве и требования головы короля. Поняв, что любая попытка проникнуть внутрь Собрания окажется безрассудством и даже в случае успеха я ничем не смогу помочь королю, я, с горечью сознавая собственное бессилие, пошел по улице Сент-Оноре.

Площадь Людовика XV являла собой жуткое зрелище. Статую короля окружала плотная толпа под руководством нескольких головорезов; они останавливали повозки, выпрягали лошадей и привязывали их к концам веревок, опутывавших шею и ноги статуи. Несколько человек пытались выдолбить из мрамора железные скобы, чтобы статуя скорее рухнула. Те, кто не присоединился к разрушителям, вооружившись палками, рыскали по площади, набрасывались на прилично одетых прохожих и, называя их аристократами, забивали до смерти; одетых поплотше они называли ворами и заявляли, что согласно декрету Коммуны, все воры караются смертью. В результате площадь покрылась трупами; несколько десятков, а то и сотня негодяев бросались на несчастного и не слушая ни оправданий, ни криков о пощаде, расправлялись с ним. Одного несчастного забили совсем рядом с моим укрытием, забрызгав мне чулки кровью и мозгами.

Увидев, как при падении статуи Людовика XV куски мрамора раздавили едва ли ни сотню республиканцев, я испытал печальное удовольствие.

Проходя по мосту Людовика XVI, я увидел на набережной небурные трупы. Я направился домой, но меня остановил слуга, которого я послал вперед, дабы удостовериться, что дома все спокойно. Он предупредил, что по улице, где я живу, слоняются какие-то типы, которые то и дело останавливаются у дверей моего дома. Я не пошел домой, а отправился к мадам де Леви, куда велел прийти всем своим слугам и слугам моего отца. Отдав им надлежащие распоряжения, я приказал отвести моих верховых лошадей на задворки Военной Школы. Я еще раньше велел обследовать тамошнюю местность, и меня заверили, что патрули туда не заглядывают. Я строго распорядился накрыть седла одеялами, дабы со стороны казалось, что лошадей вывели погулять.

Отъезд был сопряжен с множеством трудностей. Я был уверен, что существуют самые строгие указания относительно тех, кто пожелает покинуть Париж. Новая власть не хотела, чтобы предназначенные на заклание жертвы избежали своей участи, а мне явно предстояло стать одной из них. Паспорт на мое имя был очень старый, и, если бы меня остановили, непременно завернули бы обратно в Париж; следовательно, предстояло прорываться силой, но желательно без шума.

От мадам де Леви я вышел в сопровождении только своего лакея-англичанина; в надежде, что нас примут за иностранцев, мы разговаривали очень громко. Возле Военной Школы мы встретили патруль, вооруженный пиками; шайка головорезов шла медленно, а когда мы их обогнали, вслед нам полетели насмешки и ругань. Завидев лошадей, я отпустил слугу, велел ему попрощаться за меня с моими родными и друзьями. Вскочив в седло и захватив пистолет, я поскакал галопом по дороге на Версаль.

*Предисловие, перевод с французского
и примечания Елены МОРОЗОВОЙ*